

Научная статья

УДК 82

doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-17-27

«Поучение» Владимира Мономаха как литературный памятник XI–XII в. и политическое послание Руси

Герман Юрьевич Филипповский

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Аннотация. Статья концентрирует внимание на жанровой масштабности «Поучения» Владимира Мономаха в связи с форматом личности автора – крупного государственного и политического деятеля Руси XI–XII в. В плане текстологии внимание привлечено к эпизоду экспозиции «Поучения» о встрече Мономаха с послами южнорусских князей «на Волге», то есть в Северной Руси, старинной вотчине Мономашичей (со времён Ярослава Мудрого). Привлечено новое исследование А. А. Гиппиуса (2003), где акцент сделан на путях Мономаха к Ростову, на Север Руси. Академик пришёл к заключению, что автор «Поучения» не случайно акцентировал эти пути Мономаха на Север с Киевского Юга, выстраивая своё контрастное, негативное отношение к князьям Юга Руси (Киева, Чернигова, Юго-Запада Руси), от которых автор «Поучения» пострадал и сам, и Русская Земля в целом. Эти князья, например, Олег Святославич – «Гориславич» Черниговский, которому посвящены важные эпизоды 2 и 3 частей «Поучения», приводили на Русь враждебных ей половцев (а позже спровоцировали гибельное монголо-татарское нашествие). Как итог, статья утверждает жанр «Поучения» не только как автобиографии-исповеди Мономаха, но и как литературного послания, а также политического послания Руси, своего рода стратегический завет, урок, предупреждение на будущее.

Ключевые слова: «Поучение» Владимира Мономаха, жанровая идентичность, Мономах как выдающаяся литературная и историческая личность, академик А. А. Гиппиус, «Ростов» и «Волга» как знаки северных ориентиров деятельности Мономаха, «Поучение» как литературный текст и политическое послание Руси, предупреждение о враждебности и интригах южнорусских князей

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха как литературный памятник XI–XII в. и политическое послание Руси // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 17–27. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-17-27>

Original article

«Testament» by Vladimir Monomakh as a literary landmark of the XI–XII centuries and the political message to Russia

German Yu. Philippovsky

Doctor of philological sciences, professor of russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1

fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Abstract. The paper focuses on the wide range of genre textual identity in Monomakh's «Testament», as well as on the outstanding literary and historical personality of the author. Special attention is paid to the scientific observations made by academician A. A. Gippius (2003), concerning the words «Rostov» and «Volga» in the «Testament» as the signs of northward determination in Monomakh's state activity. Vladimir Monomakh suffered a lot from the hostility and intrigues of Kievan and other rulers of South and South-West Rus. In his «Testament» he describes the evil actions of Oleg Svyatoslavich (prince of Chernigov) as a source of misfortunes for the whole Russian Land. Monomakh's «Testament», though autobiographical, sends the literary and political message to the future Rus', contains predictions on the dangerous misdealings of the southern princes, not only the lesson but a warning of the hostility and intrigues from the rulers of South Rus'.

Key words: Vladimir Monomakh's «Testament», genre identity, Monomakh as an outstanding literary and historical personality, academician A. A. Gippius, «Rostov» and «Volga» as signs of northward orientation in Monomakh's state activity, «Testament» as a literary text and political message to Rus, lesson and warning of the hostility, intrigues from the South Rus rulers

For citation: Philippovsky G. Yu. «Testament» by Vladimir Monomakh as a literary landmark of the XI–XII centuries and the political message to Russia. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2021;(4):17–27 (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-17-27>

Введение

Данный материал служит продолжением статьи в «Верхневолжском филологическом вестнике» 2017 № 2, посвященной проблемам поэтики жанра «Поучения» Владимира Мономаха [Филипповский, 2017, с. 8–13]. Этот замечательный и редкостный древнерусский текст, обнаруженный ещё в XVIII веке владельцем подлинной рукописи 1377 года (Лаврентьевской летописи) [ПСРЛ, 1962, 577 стлб.] графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным, сразу был оценен и издан на его средства в 1793 году [Владимир Мономах, 1999, с. 215–284]. В заглавии этого издания значится слово «**Духовная** великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим...» [Владимир Мономах, 1999, с. 215], то есть, завет, завещание, иными словами, **человеческий документ**. Тем самым, литературное качество этого произведения изначально не подвергалось сомнению (литература – это искусство авторского письменного словесного образного творчества), но, помимо литературного, здесь явно обнаруживалось качество какого-то иного порядка, то ли юридического, то ли исторического, то ли широко общечеловеческого. При этом уже начало этого текста указывало однозначно на его автобиографичность [Лихачёв, 1979, с. 141–161], – личная интонация и личное местоимение «я» появляется с первых строк и почти что до самого конца этого удивительного текста [ПлДР, 1978, с. 392–413].

Поскольку автобиографичность не то что противоречила, а, наоборот, легко сочеталась с многочисленными литературными текстами мирового наследия [Алексеев, 1935, с. 39–80], «Поучение» Мономаха очень быстро соотнесли с произведением исповедального жанра [Лихачёв, 1987, с. 98–102], что, впрочем, легко умещается уже в первой жанровой интерпретации А. И. Мусиным-Пушкиным – «Духовная...» [Владимир Мономах, 1999, с. 215]. Здесь как бы подмечены и жанровое богатство, и жанровый диапазон, масштабность произведения Владимира Мономаха. При этом граф Пушкин не забыл упомянуть, что автор не простое лицо, а **великий князь** Руси [Владимир

Мономах, 1999, с. 215], то есть крупная историческая личность, государственный, военный и политический деятель [Карпов, 2015]. Тем самым, масштаб его личного послания явно возрастает, расширяется, углубляется, становится намного более значимым для современного читателя и исследователя. При всей оригинальности и подлинности древнерусского текста [Орлов, 1946], «Поучение» Мономаха явно выглядит жемчужиной средневековой книжности и литературы [Лихачёв, 1979, с. 141–161], поскольку сопоставимых с ним текстов крайне мало, буквально можно «пересчитать на пальцах» [Алексеев, 1935, с. 39–80].

Правда, подобного рода «духовные завещания» появляются уже в древности, например, «Размышления», принадлежащие римскому императору Марку Аврелию (II в. н. э.), или византийского императора X века Константина Багрянородного, с его личным и одновременно политико-юридическим наставлением сыну «Об управлении империей» [Филипповский, 2019; Гиппиус, 2003, с. 63–65], хорошо известная с древности «Исповедь» Августина Блаженного (V в. н. э.). Всё это давно уже подметил академик М. П. Алексеев в его статье «Англо-саксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха» 1935 года, где он писал о средневеково-европейских королевских завещаниях или наставлениях [Алексеев, 1935, с. 39–80]. Иными словами, личный, автобиографический характер текста неотделим от статусной, исторической его значимости и значительности, что делает «Поучение» Мономаха произведением поистине уникальным, а его изучение – делом первостепенной важности и в литературоведческой, и в исторической науке. Этот факт подчёркивают множасьи книги с названием «Владимир Мономах»; от монографии 1946 года литературоведа-академика А. С. Орлова [Орлов, 1946] до нескольких одноименных изданий историка А. Ю. Карпова 2006 и 2015 годов [Карпов, 2015]. И дело не просто в том, что всё глубже уясняется формат личности Владимира Мономаха, его внутреннего, духовного мира как человека христианского Средневековья, но и его политическая и военная масштабность (на материале «По-

учения»), значительность на фоне своей эпохи XI – начала XII вв., сложной, противоречивой, опасной и драматичной (как, впрочем, и любое другое время в истории) [Карпов, 2015].

Похоже, что избранная автором структура его повествования, композиция «Поучения», многочастная, мозаичная [Филипповский, 2019], как бы «рассаженная», призвана была отразить его многомерность, многоаспектность, особую масштабность [Лихачёв, 1987, с. 98–102]. Поистине, образованность и широкая, одновременно глубокая духовная культура Мономаха как бы вмещали базовые представления средневекового мировоззрения, где «микрокосм»-человек был соотнесён с «макркосмом»-вселенной, всем окружающим миром, но соотнесён тесно и органично (два в одном) [Филипповский, 2019]. Поэтому бессмысленны споры: «Поучение» – собрание отдельно взятых частей, «собрание сочинений» Владимира Мономаха (Д. С. Лихачёв) [Лихачёв, 1987, с. 98–102], или это целостное, единое произведение сложно-композиционного и сложно-содержательного плана [Мильков, 2006, с. 340–452]. Конечно, некая мозаичность «Поучения», безусловно, – намеренная дань Мономаха монументальной эпичности искусства древности и Средневековья [Филипповский, 2019].

Одновременно, эта «рассаженность» частей, явно, по мысли автора, должна была соответствовать сложности, масштабности, проблемности обсуждаемых, всеобъемлющих, но и глубоких, в равной степени острых, драматичных вопросов и тем [Мильков, 2006, с. 340–452]. Замечательно, при этом, что весь комплекс актуальных и очень сложных, можно сказать, «вопиющих» проблем современной жизни Мономаха не просто «пропускает» через свою душу и чувства [Орлов, 1946], но, как настоящий писатель-историк оценивает через опыты собственной жизни, военной и политической деятельности, активности [Карпов, 2015]. На то он и князь, всегда находящийся в центре событий, и не просто как свидетель, а как деятельный участник, лидер, организатор и руководитель [Каравашкин, 2011, с. 154]. Так что, «Поучение» – не просто человеческий, литературный документ, свидетельство, но, совершенно очевидно, текст исторической и политической значимости и значительности [Карпов, 2015].

Особый вопрос: как эта значимость и значительность обозначены в самом тексте «Поучения», самим его автором великим князем Руси Владимиром Всеволодовичем Мономахом. В такой постановке явно не обойтись без текстологического

разыскания. При этом желательно, чтобы это разыскание было бы максимально новым, продвинутым. И здесь следует обратиться к исследованию члена-корреспондента АН РФ, доктора филологических наук А. А. Гиппиуса, автора пространной научной работы «Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции» в двух частях, опубликованной в журнале «Русский язык в научном освещении» 2003 № 2 (6–7) [Гиппиус, 2003, с. 60–99; 146–171]. А. А. Гиппиусу нельзя отказать в особом текстологическом чутье: его исследование отличает завидная научная зоркость и неординарность. Проявились они, прежде всего, в том, что учёный подметил в «Поучении» Мономаха «редкостную выразительность отдельных фрагментов» [Гиппиус, 2003, с. 64], то есть, эпизодов, наделённых автором особыми акцентными свойствами, так сказать «ударными» текстовыми качествами. И это ещё не всё. А. А. Гиппиус отметил, в частности, что «проблема линейной, «горизонтальной» сегментации комплекса практически полностью заслонила в историографии проблему «вертикальной» стратификации его составляющих» [Гиппиус, 2003, с. 65].

И выделение этой самой «вертикальной» стратификации текста «Поучения» Мономаха, как считает учёный, «способно... пролить свет на ключевые вопросы истории комплекса» [Гиппиус, 2003, с. 65]. Другой вопрос. Каков этот стратификационный принцип? Только ли структурно-композиционный, структурно-текстовый, или же иной – не формально, а идейно-структурный, концептуально-доминантный, в чём-то особый для автора, Владимира Мономаха. И тогда другой вопрос: в чём состоит эта особость, и как она проявляется в тексте. И здесь А. А. Гиппиус находит, на наш взгляд, совершенно правильную акцентную позицию. На страницах 146, 147, 148 и других второй части его исследования А. А. Гиппиус концентрирует своё внимание на тех эпизодах второй части «Поучения», то есть, собственно автобиографии Мономаха, перечня его походов, которые связаны конкретно с Ростовом [Гиппиус, 2003, с. 146–148]. Действительно, Ростов упомянут уже в первой фразе этой автобиографии: «Первое к Ростову идохъ сквозе Вятиче...» [ПЛДР, 1978, с. 402]. И что примечательно, финальная фраза этого перечня также связана с Ростовом: «И се ныне иду Ростову». Всего упоминаний Ростова в перечне пять [ПЛДР, 1978, с. 402–406].

Не без оснований А. А. Гиппиус пишет, что «исходный текст «Поучения» написан Монома-

хом зимой 1099/1100 или 1100/1101 г. по пути в Ростов» [Гиппиус, 2003, с. 146]. Хотя учёный и соотносит свой термин «исходный текст «Поучения»» [Гиппиус, 2003, с. 65] с текстологически-определёнными частями произведения Мономаха, всё же представляется, что это этот термин А. А. Гиппиуса правильнее будет связать с концептуальным стержнем – замыслом самого автора, так сказать, его главной «задумкой», то есть, идеей всего создаваемого текста. А. А. Гиппиус точно угадал связь этой последней с автобиографическими упоминаниями Ростова [Гиппиус, 2003, с. 63]. И здесь «исходной позицией» всего текста «Поучения» надо признать, казалось бы, «странное» вкрапление в начало произведения, в его вступление, эпизода встречи и переговоров с послами братьев «на Волге» [ПЛДР, 1978, с. 392]. Хотя здесь и не фигурирует Ростов, ясно, что данное место вступления чётко соотносится с одним из мест второй части (автобиографии), где речь идёт о пути Мономаха к Ростову (или из Ростова), при этом название города выступает как знак целого региона, северо-восточной Руси, Залесской старинной вотчины Мономашичей (со времён Ярослава Мудрого). Встреча с послами братьев могла произойти в любом из малых городских пунктов Северной Руси, например, в Угличе, Ярославле и т. д.

О городском пункте на этом пути Мономаха в Залесье следует говорить ещё и в связи с правильным, на наш взгляд, предположением А. А. Гиппиуса о 1099 году, как исходном времени, когда Мономах начал свою работу над текстом «Поучения», но и другим тоже правильным предположением о соотношении этой временной вехи с пространственной – путём Мономаха в Ростовской земле, о каком-то городском пункте «на Волге» в Северной Руси [Гиппиус, 2003, с. 146]. Если А. А. Гиппиус придаёт упоминаниям Ростова в автобиографической части ключевое значение [Гиппиус, 2003, с. 146], то, естественно, не менее, а, возможно, ещё более ключевое значение следует придавать эпизоду вступления в «Поучении» о встрече и переговорах с братьями «на Волге», в Ростовской, Северной Руси [ПЛДР, 1978, с. 392]. Именно здесь надо искать ту самую ключевую, доминантную идею, которая была руководящей лично для автора «Поучения»: «Усретоша бо мя слы от брата моего на Волзе, реша: «Потьснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы себе будем, а ты себе». И рехъ: «Аще вы ся и гневаете, не могу вы я ити, ни креста переступи-

ти» [ПЛДР, 1978, с. 392].

Несомненным успехом А. А. Гиппиуса надо признать привлечение в его работе [Гиппиус, 2003, с. 65] материалов итальянского исследователя Дж. Гини (Ghini, 1990) [Ghini, 1990], который особо выделяет в «Поучении» Мономаха «структурную характеристику «дискурса премудрости» («discorso» sapienziale) [Гиппиус, 2003, с. 63–65], в русле которого создавал свои тексты Мономах». Ясно, что выделенный Дж. Гини «дискурс премудрости» [Гиппиус, 2003, с. 63–65] совпадает с критерием А. А. Гиппиуса «вертикальной стратификацией текста «Поучения», ...способной пролить свет на ключевые вопросы истории комплекса» [Гиппиус, 2003, с. 65]. Остаётся понять, что же такого ключевого и принципиального для автора-Мономаха заключено в эпизоде его встречи с послами южнорусских князей «на Волге» в 1099 году. И, самое главное, что же такого «премудрого», по совершенно справедливому суждению Дж. Гини [Ghini, 1990], в этом самом, казалось бы, даже вставном и небольшом эпизоде встречи автора с послами князей [ПЛДР, 1978, с. 392]? Вдобавок, этот текст несомненно подключается к «ростовским» рассуждениям А. А. Гиппиуса [Гиппиус, 2003, с. 146], как уже говорилось, по нашему мнению, заслуживающим всяческого внимания и значения. На этом текстовом эпизоде замыкается, как выясняется, целый комплекс чрезвычайно важных и ключевых для понимания «Поучения» Мономаха смыслов и содержаний.

Во-первых, в конце этого текстового эпизода Мономах говорит, что именно эта встреча и её итоги спровоцировали, явились началом его работы над всем последующим затем текстом «Поучения» [ПЛДР, 1978, с. 392]. Речь шла о сложной и драматичной психологической ситуации, в которой по итогам встречи оказался непосредственно Владимир Мономах. В поисках выхода из душевного кризиса он прибег к гаданию на Псалтири, раскрыв её спонтанно («разгнух я») [ПЛДР, 1978, с. 392]. Его так поражает смысл открывшегося текста, что он делает для себя выписки, – они же, как выясняется потом, и лягут в основание его будущего большого текста [ПЛДР, 1978, с. 392–394]. Что же поражает Мономаха? Соответствие текста выпавших в гадании псалмов той реальной ситуации, которая стояла за ультиматумом южнорусских князей, предъявленным Мономаху «на Волге» [ПЛДР, 1978, с. 392]. Всё дело в том, что предъявленный ультиматум всецело опирался на личность преступно ослеплённого в 1097 году, сразу после съезда князей в Любече, князя Тер-

бовльского Василька Ростиславича [ПЛДР, 1978, с. 248–262].

Эти же южнорусские князья нарушили клятву на Кресте в Любече, эти же князья и предлагают Мономаху замирииться, объединиться, отобрав совместно земли у ослабленного Василька Ростиславича (и его брата) [ПЛДР, 1978, с. 392]. Тексты же псалмов, выпавшие в гадании Мономаху [ПЛДР, 1978, с. 392–394], говорят, по сути, о том же: грешники преследуют праведного; Господь защитит гонимого и покарает грешников [ПЛДР, 1978, с. 394]. Подобного рода совпадения настолько поразили Мономаха, что он не только сделал выписки из Псалтири [ПЛДР, 1978, с. 392–394], но и заложил тему, мотив подобной Премудрости в основу своего в перспективе большого текста «Поучения». Таким образом, данный эпизод вступления как бы сообщает читателю [ПЛДР, 1978, с. 392–394], когда, где (при каких обстоятельствах) и почему великий князь Руси, как писатель-христианин, начал работу над текстом своего монументального Завета.

Во-вторых, психологический толчок лично для Владимира Мономаха-автора, связанный с драматическими обстоятельствами ультиматума южнорусских князей «на Волге», был связан не только с ударом Руси, который был нанесён преступным ослеплением князя Василька Ростиславича Тербовльского [ПЛДР, 1978, с. 248–262]. Этот толчок был мотивирован и тем, что в той ужасной интриге 1097 года после клятвы князей в Любече, сам Мономах тоже пострадал, он был оклеветан, обвинён этими южнорусскими князьями в якобы преступном сговоре с князем Васильком против великого князя Киевского Святополка Изяславича [ПЛДР, 1978, с. 248–262]. Разумеется, эта клевета больно ранила душу Мономаха, как и поразившее всю Русь ослепление без вины князя Василька Ростиславича [ПЛДР, 1978, с. 248–262]. Конечно, все эти события камнем легли на сознание Владимира Мономаха, повлияли на создание его «Поучения» как своего рода автобиографического «крика души».

В-третьих, включение в текст начала своей исповеди эпизода «на Волге» [ПЛДР, 1978, с. 392], безусловно, спровоцировало также откровенно лицемерное предложение южнорусских князей о «братском воссоединении» с оклеветанным ими же Мономахом, но непременно за счёт захвата земель ослеплённого Василька Ростиславича [ПЛДР, 1978, с. 392], такого же, как они все, князя-брата. И это на фоне столь популярного тогда на Руси, в том числе и в южной Руси, культа свя-

тых братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба, по сути, культа христианского братолюбия [ПЛДР, 1978, с. 23–304]. Поэтому отрицательная реакция Мономаха на ультиматум носила явственно христианскую окраску: «Не могу вы я ити, ни Креста переступити» [ПЛДР, 1978, с. 392]. Речь, конечно, шла не только о нарушении крестоцелования, то есть, клятвы князей в Любече, но и нормах новой христианской нравственности, этики, морали вообще [Мильков, 2006, с. 340–452]. Не случайно создаваемый Мономахом текст с полным правом может быть назван «Поучение», поскольку он утверждал новый христианский кодекс княжеского поведения [Филипповский, 2019].

В-четвёртых, резкая реакция Мономаха на, по сути, провокационное предложение южнорусских князей (именно она была ядром, центром данного эпизода «Поучения») отнюдь не была неким негативным явлением. Конечно, Мономах, тем самым, разрушал традиционные для старой Руси родовые междукняжеские узы: ведь не случайно в тексте ультиматума его предупреждают о полном разрыве в случае отказа, то есть, ранее братья, они затем становятся врагами [Филипповский, 2019]. Именно эти обстоятельства не могли не ранить душу Мономаха, именно они породили душевный кризис, когда он стал искать поддержку у Бога, гадая на Псалтири [ПЛДР, 1978, с. 392]. Однако, сам Мономах отдавал себе при этом полный отчёт, что всё делает правильно, по-христиански. Более того, он ощущал себя не потерпевшим поражение, а победителем. Но победителем не на поле боя, где он привык действовать как князь-воин, а на поле духовной брани, одержавший духовную победу и над южнорусскими князьями-крестопреступниками [Филипповский, 2019], и, в какой-то мере, и над самим собой, над старым традиционным княжеским родовым сознанием, от которого, конечно, он не был всецело отлучён.

В-пятых, эпизод «Поучения» об ультиматуме князей [ПЛДР, 1978, с. 392] утверждает, прежде всего, ответ Мономаха, его решение как личный поступок. Ведь не случайно христианство принесло на Русь невиданное ранее личностное начало, – это новый нравственный кодекс, личностное представление Абсолюта [Филипповский, 2019, с. 47–48]. Мономах, тем самым, проявил себя как личность, в отличие от южнорусских князей – авторов ультиматума, по сути, – волчьей стаи с соответствующей волчьей моралью торжества сильного над слабым. В данном случае произошло совпадение старых родовых принципов коллективной морали и распростра-

нённым в феодальную эпоху воинским княжеским правом сильного. Мономах нашёл в себе внутренние силы встать над этим, не только защитить несправедливо обиженного, ослеплённого князя-брата, но и открыто заявить насильникам и крестопреступникам их неправоту. И критерий этой их неправоты обозначен предельно ясно и чётко, это критерий христианского Креста.

В-шестых, Мономах, как известно, был великим полководцем – победителем половцев, главной опасности для Руси конца XI – начала XII века (поэтому ещё при жизни он стал легендарной фигурой, а народная традиция соединила его образ с Владимиром Крестителем и сформировала уже в XII веке образ былинного князя Владимира) [Филипповский, 2019; Карпов, 2015]. Известно, что волк, волчья голова и шкура были родовым тотемом половцев, они считали себя потомками Волка-первопредка. Известно также, что военные приёмы половцев в столкновении с противником были волчьими приёмами (что, конечно, было хорошо известно русским дружинам). И дело не только в том, что ультиматум южнорусских князей Мономаху «на Волге» был, по сути, ультиматумом волчьей стаи. Многие южнорусские князья, особенно Олег Святославович Черниговский (женатый на половецкой княжне), как правило, приводили на Русь союзных половцев, отстаивая против русских князей-братьев свои амбиции и претензии [Карпов, 2015].

Отношение Мономаха с Олегом Святославичем, его двоюродным братом, всегда были сложные и даже драматичные. Центральным эпизодом второй части «Поучения» является сдача Мономахом Чернигова Олегу Святославичу добровольно, чтобы не губить «хрестьяных душ» под саблями союзных Олегу половцев [ПЛДР, 1978, с. 404]. Не случайно третьей главной частью «Поучения» является личное послание Мономаха Олегу Святославичу [ПЛДР, 1978, с. 410–412], убившему сына Мономаха Изяслава под стенами Мурома, а затем захватившего северную вотчину Мономаха и сжёгшего Суздаль. Так что резкий отрицательный ответ Мономаха на ультиматум южнорусских князей был мотивирован целым комплексом причин, не только личного, но и военно-государственного, политического характера.

В-седьмых, кажущаяся неожиданность, спонтанность, с которой эпизод ультиматума братьев как бы «врывается» в текст вступления «Поучения», на самом деле, явно был вполне осознанным авторским приёмом. Так Мономах сразу хотел привлечь особое внимание читателя и к этому ма-

териалу, и к его особому значению в тексте произведения в целом. Явно он придавал этому эпизоду роль некоего лейтмотива, клубка неких главных тем своего «Поучения». К тому же этой части экспозиции была сообщена явственно мозаичная форма, своего рода заявка на всю совокупность художественно-мозаичной формы всего текста. Так что неожиданное и как бы даже контрастное появление эпизода ультиматума братьев [ПЛДР, 1978, с. 392], как выясняется, было преднамеренным, хорошо продуманным авторским решением.

В-восьмых, в некотором роде обсуждаемый эпизод о встрече с послами «на Волге» [Комарович, 1941, с. 289–297] предстаёт не то, что не случайным, но как раз наоборот – важнейшим и даже опорным эпизодом не только вступления-экспозиции, но и всего текста произведения. Как уже говорилось, он аккумулирует огромный комплекс идей, мотивов, тем, проблем и их авторских решений. Не случайно большое число исследователей «Поучения», и старой, и новой, и новейшей традиции его научного изучения считали и считают, что текст вступления-экспозиции (вместе с эпизодом ультиматума братьев) появился на последнем, завершающем этапе работы Мономаха над сложно-составным текстом «Поучения», то есть в 1116/1117 году [Комарович, 1941, с. 289–297; Гиппиус, 2003, с. 60–99; 146–171]. Этими авторами-исследователями являются Шевырёв С. П. (1846) [Мильков, 2006, с. 392]; Погодин М. П. (1861–1863) [Мильков, 2006, с. 391]; Шляков Н. В. (1900) [Мильков, 2006, с.390]; Ивакин И.М. (1901) [Мильков, 2006, с. 399]; Комарович В. Л. (1941) [Мильков, 2006, с. 403]; Орлов А. С. (1946) [Мильков, 2006, с. 389]; Лихачёв Д. С. (1987) [Мильков, 2006, с. 386]; Бедина Н. Н. (2004) [Бедина, 2004]; Карпов А. Ю. (2015) [Карпов, 2015]; Мильков В. В. (2006) [Мильков, 2006, с. 340–452].

В-девятых, не только личностное, христианское, но и активно-действенное начало утверждает, заявляет, отстаивает князь Владимир Всеволодович Мономах конкретно в «ударном» эпизоде вступления-экспозиции «Поучения» об ответственном, судьбоносном, но и трудном, драматичном решении-ответе братьям-князьям на их, по сути, провокационный ультиматум [ПЛДР, 1978, с. 392]. Совсем не случайны рассуждения Мономаха в его тексте, направленные против лениности [ПЛДР, 1978, с. 392–396], – не только духовной, но и реальной, актуальной, связанной с конкретной жизнедеятельностью конкретного князя как военного, государственного и политического деятеля Руси. Отповедь южнорусским

князьям на их интриги и авантюры, как видится, обращена Мономахом далеко не только на конкретную, тактическую, сиюминутную ситуацию междукняжеских отношений, но и на жизнь Руси в целом.

А потому, в-десятых, «Поучение» Мономаха, прежде всего, обращено в будущее, являясь не только этико-нравственным, но и политическим Заветом великого князя Владимира Мономаха всем князьям Руси, их стратегическому сознанию, мышлению и деятельности. Ключевым здесь надо полагать противостояние Мономаха интриге южнорусских князей (великого киевского, черниговского, владимиристо-волинского и т. д.), которые в лице Владимира Мономаха видели «чужака, не своего». На самом деле, мономашичи, включая Владимира Всеволодовича и его потомство, хотя и владели на Юге Руси Переяславлем Русским (Южным), всегда имели своей вотчиной Залесскую, Северо-Восточную Русь, поддерживая тесные отношения с Великим Новгородом, Верхней Волгой и всем Севером Руси [Филипповский, 2019]. Непреложным фактом государственно-политической активности Владимира Мономаха после его драматических коллизий в Южной Руси конца XII века является переключение его стратегического внимания с Юга на Север Руси: его строительная, как храмовая, так и градостроительная деятельность в Суздале, Ростове, Владимире-на-Клязьме 1099–1110 гг. [Филипповский, 2019, с. 80–85]. Что касается «Поучения» Мономаха, то его, надо полагать, надо рассматривать не просто как общий завет князьям-потомкам, а как обоснование-предупреждение об опасности политики интриг, преступлений, вражды князей именно Южной Руси. И одновременно, – как бы обоснование стратегической смены акцентов в политической, государственной и военной, а также культурной и христианской жизни Руси, смены южной векторной доминанты на северную (что, как известно, и было реализовано сначала самим Владимиром Мономахом, но, главным образом, по его заветам, его сыном Юрием Владимировичем Долгоруким и внуками Андреем Юрьевичем Боголюбским и Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо) [Филипповский, 2019].

А. В. Каравашкин справедливо отмечает в своей книге «Литературный обычай древней Руси» (2011) [Каравашкин, 2011], что «князь на страницах «Поучения» выступает в качестве труженика и в ратных, и в духовных, и в домостроительных делах» [Каравашкин, 2011, с. 154]. В Завете русским князьям Владимира Мономаха преобладает

относительно не умозрительный, а прежде всего совершенно реальный **урок** и христианской жизни, и деятельностного поведения [Каравашкин, 2011, с. 154]. Совсем не случайно Мономах обильно цитирует «Шестоднев» Василия Великого [Мильков, 2006, с. 403–404; Muller, 1979, s. 16–24], о котором выдающийся исследователь византийской культуры Сергей Сергеевич Аверинцев писал, что «его (то есть Василия Великого) литературная деятельность всецело подчинена практическим целям... Василий импонирует твёрдостью своей воли и отчётливым чувством реальности» [Аверинцев, 2005, с. 17–58]. Таков же был и Владимир Мономах в своём литературном и политическом послании Руси, которое обычно именуют «Поучение». Действительно, Мономах в своём произведении, несомненно исповедального, автобиографического жанра, был далёк от церковной риторической проповеди. В византийском литературном наследии известен целый ряд автобиографических текстов, но, как правило, созданных в традициях римско-византийской риторики.

Таково выдающееся сочинение греко-антиохийского ритора Ливания (IV в.) «Жизнь или О моей судьбе» или, например, поэма Григория Назианзина (Богослова), христианского отца церкви и поэта IV века «О моей жизни», впрочем как и знаменитая «Исповедь» Августина Блаженного начала V века [Аверинцев, 2005, с. 17–58]. Если сочинение Ливания характеризует подчеркнутый эгоцентризм [Аверинцев, 2005, с. 17–58] (он был языческим ритором, поэтом, философом), то произведения христианских авторов Григория Богослова и Августина Блаженного можно с полным правом назвать «автобиография души» [Аверинцев, 2005, с. 17–58]. Точно так же можно охарактеризовать и «Поучение» Владимира Мономаха. Однако, несомненно в нём практическое, деятельностное целеполагание (подобное уже выше отмеченному в сочинениях выдающегося отца церкви IV века Василия Великого) [Мильков, 2006, с. 403–404; Muller, 1979, s. 16–24].

«Поучению» Владимира Мономаха посвящены две главы в книге А.С.Дёмина «Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.)» 2009 года [Дёмин, 2009]. Одна из них называется «Поучение» Владимира Мономаха: оптимизм» [Дёмин, 2009, с. 79–85]; другая – «Жалостливость Владимира Мономаха» [Дёмин, 2009, с. 104–107]. В первой из них с автором можно было бы, пожалуй, согласиться, правда, не в том плане, как рассуждает автор [Дёмин, 2009, с. 79–85], а с точки зрения высказанной выше стратегической прозорливости

Владимира Мономаха. Можно было бы даже сказать об «историческом оптимизме» автора «Поучения», который, порицая интриги и враждебность южнорусских князей, настраивал Русь на обновление (оно реализовалось по заветам Мономаха его потомками в создании на Севере Руси нового общерусского политического центра во Владимире-на-Клязьме [Филипповский, 2019], при том, что старый традиционный центр в Киеве оказался явно в подчинённом положении) [Филипповский, 2019]. А. С. Дёмин, говоря об «оптимизме» Мономаха [Дёмин, 2009, с. 79–85], имеет в виду исключительно эмоциональный контекст, хотя на самом деле автор «Поучения» был далёк от тривиальной эмоциональности, противопоставляя её глубокой мысли, о чём сам же говорит в своём тексте «помыслих в душе своей...» [ПЛДР, 1978]. Отмеченный автор книги о поэтике древнерусской литературы [Дёмин, 2006] наделяет «Поучение» Мономаха «оригинальным бодрым, оптимистическим настроением, нейтрализующим эпизодические минорные высказывания» [Дёмин, 2006, с. 84]. Говорить так, значит не понимать глубоко-драматический, даже трагический, кризисный строй мономахова текста, значит принижать его фактическую содержательную ценность, как литературного и политического послания Руси.

Другой материал А. С. Дёмина обсуждает тему «жалостливости» великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха [Дёмин, 2006, с. 104–107]. Исследователь прибегает к обильному цитированию летописных текстов, где о Мономахе говорится, что он «плакавьяся», «ужасеся и всплакавь», «жалостлив же бяше отинудь и дарь си от Бога прия» и т. д. [Дёмин, 2006, с. 104]. Тем самым автор стремится создать образ не просто эмоционального или чувствительного, но психологически слабого или даже неуравновешенного человека. Всё это, разумеется, далеко от истины. Мономах – великий полководец, великий государственный деятель Руси, выдающийся писатель и мудрый провидец. Кроме того, уже говорилось о его деятельной, практической натуре, которая полностью проявилась в его «Поучении». Прагматизм Мономаха ярко проявился в отмеченном летописцем эпизоде убийства ведущего половецкого князя Итларя (под 1095 год) [ПСРЛ, 1962, стлб. 226–228]. Исследователи, как правило, даже удивляются, насколько спланированное и реализованное Мономахом расчётливое убийство Итларя противоречит, как кажется, благостной христианской нравственности текста «Поучения» [Мильков, 2006, с. 340–452]. Дело в том, что, от-

следив Итларя с окружением в некоем доме, Мономах приказал Ольбегу Ратиборичу (как современному нам спецназовцу) проникнуть на крышу, разобрать настил потолка и метко поразить сверху хана Итларя стрелой прямо в сердце [ПСРЛ, 1962, стлб. 226–228]. Мономах, при этом, радея за безопасность границ Руси, принял военное решение о ликвидации активного и опасного противника [ПСРЛ, 1962, стлб. 226–228]. Так что никакой сентиментальностью и жалостливостью Мономах-воин и князь никак не отличался. Тогда откуда же фразы летописца о его «слезности»?

Глубочайший знаток византийской культуры академик С. С. Аверинцев в своей знаменитой книге «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977) [Аверинцев, 2004] или, например, в своих статьях, в частности, «На перекрёстке литературных традиций (Византийская литература: истоки и творческие принципы)» [Аверинцев, 2005, с. 17–58], писал о «слезном даре», «сокрушении сердечном» как основе духовного поведения христианина: «Мирообъемлющая слезная жалость, которая понята не как временный аффект, но как непреходящее состояние души и при том путь одухотворения, «уподобления Богу»...» [Аверинцев, 2005, с. 17–58]. С. С. Аверинцев рассматривает жалостливость не как простительную человеческую слабость, но связывает слёзы жалости со сферой духа, с путями внутреннего самоочищения сердца [Аверинцев, 2005, с. 17–58], цитирует рассуждения сирийского христианского писателя VII века Исаака Ниневийского: «И что такое сердце милующее?... Возгорение сердца у человека о всём творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слёзы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умалется сердце его, и не может оно вынести, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит он молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблению в сем Богу» [Аверинцев, 2005, с. 17–58].

Ту же фразу о «сокрушении сердечном» использует Владимир Мономах в эпизоде «Поучения» об обороне и сдаче Чернигова Олегу Святославичу (1094 г.): «Съжаливьяся хрестьяных душ и сель горящих и монастырь, и рехь: «Не хвали-

тиса поганым!»). И вдахъ брату отца его место, а самъ идох на отца своего место Переяславлю...» [ПЛДР, 1978, с. 404]. Мономах совершает поистине христианский поступок: успешно обороняя Чернигов, он принимает решение всё же уступить его Олегу Святославичу, чтобы союзные половцы Олега не жгли и не грабили окрестности города, не убивали жителей-христиан. Мономах, казалось бы потерпел военное поражение, но реально одержал победу, но духовную, христианскую [Филипповский, 2019, с. 53–61], что в контексте «Поучения» прозвучало как героический, точнее, героико-христианский поступок. Вспомним, что подобный же героико-христианский поступок Мономах описал в эпизоде вступления-экспозиции о встрече «на Волге» [ПЛДР, 1978, с. 392]. Тогда, как и в черниговском эпизоде, Мономах, казалось бы, проявил слабость, как бы проиграл, но на самом деле совершил поступок, угодный Богу, в полном соответствии с христианскими заповедями. Именно на них делает акцент автор «Поучения», обращаясь к князьям Руси с убеждением, что эти христианские принципы должны быть положены в основу междукняжеских отношений, а не старинные традиции силы или даже насилия. Мономах, как и везде в «Поучении», создаёт политический завет, урок князьям на опытах своей собственной жизни, опытах «сокрушения сердечного».

Автобиографическая жанровая специфика «Поучения» традиционно поддерживается известным прочтением академика Д. С. Лихачёва фразы «на далече пути, да на санехъ седея» [Лихачёв, 1979, с. 141–161], как намёк на преклонный возраст автора, на пороге смерти [Лихачёв, 1979, с. 141–161]. П.П.Толочко, как уже было отмечено [Филипповский, 2017, с. 9], даже предположил связать этот текст с опасной болезнью Мономаха, которая затем, к счастью, миновала [Филипповский, 2017, с. 9]. Метафорический контекст фразы о «санехъ», однако, как признаётся буквально всеми, акцентирует тему Вечности как гиперконтекст всего «Поучения». Действительно, контекст христианской Вечности является безусловно ведущим для автора, который предъявляет его читателям «Поучения», князьям Руси, в качестве гаранта новых для Руси междукняжеских отношений и разного рода спорных политических решений. Тем самым, фраза «на санехъ седея» должна быть прочитана не «физиологически», а концептуально-философски, «sub speciae aeternitatis» – «под знаком Вечности», – является не только знаком творчески-литературного, но и философско-

политического кредо автора-писателя, средневекового мыслителя и философа, политика и государственного деятеля [Мильков, 2006, с. 340–452]. Причём, не столько в плане умозрительных его рассуждений, сколько в плане конкретно-деятельностных и практически-руководящих жизненных принципов автора, опять же предъявляющих их современному эпохе Мономаха читателю, прежде всего, князьям Руси.

По сути, «sub speciae aeternitatis» – «под знаком Вечности», – главный идейный, философский принцип всей эпохи Средневековья. Он нацелен на учёт не сиюминутных, но глобально-исторических, конечно, христианско-средневековых, но всегда – стратегических ориентиров, целей и задач, порой даже в форме прозрений. Мономах призывает в своём послании, обращённом к князьям Руси, к политической дальнорзости, политической прозорливости, к умению видеть на перспективу. Нацеливает на корректировку возможных проблем, связанных с авантюрами, интригами, враждебностью южнорусских князей (автобиографично, на примере своей многотрудной жизни, с её бедами и кризисными ситуациями). Д. С. Лихачёв не случайно в своё время, обсуждая древнерусские дела и тексты, ввёл термин «**повести о княжеских преступлениях**» [Лихачёв, 1979, с. 22–131], очевидно, относя к ним «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича Тербовольского» (место действия её, прежде всего, Юго-Западная, Червоная Русь) в составе «Повести временных лет» [ПЛДР, 1978, с. 248–262], а также рядом с ней расположенное «Поучение» Владимира Мономаха [ПЛДР, 1978, с. 393–416]. Как уже отмечалось, и как об этом говорит текст произведения Мономаха, этот князь много пострадал от преступлений, авантур, интриг, враждебности южнорусских князей, прежде всего, Черниговского князя Олега Святославича, Киевского великого князя Святополка Изяславича, Владимир-Волынского князя Давида Игоревича. Так что «Поучение» Мономаха, выдающийся литературный текст Руси XI–XII вв., с полным правом можно в жанровом отношении считать не только литературным, но и политическим посланием [Мильков, 2006, с. 340–452; Карпов, 2015], а также своего рода предупреждением, направленным в адрес княжеской Руси.

Нацеливая, по сути, на создание нового, альтернативного южнорусскому, киевскому, центра Руси уже на территории Северной Руси [Филипповский, 2019], Мономах прозорливо как бы ви-

дит за преступлениями современных ему южно-русских князей другие, будущие, ещё более трагические события для судеб всей Руси. Приводившие на Русь внешнего врага – половцев (подобные Олегу Святославичу Черниговскому, которого не случайно «Слово о полку Игореве» назвало «Гориславичем»), князя XII–XIII вв. стали, по сути, виновниками многовекового бедствия Руси – монголо-татарского нашествия. К сожалению, даже сейчас многие не понимают, что толчком всех многовековых бед Руси стало убийство южнорусскими князьями послов Чингиз-хана в 1223 году [ПСРЛ, 1962, стлб. 445–447]. Тогда, как известно, половцы, испугавшись карательной экспедиции полководцев Чингиз-хана Субэда и Джэбэ, запросили помощи у Руси, и южнорусские князья пошли им навстречу (Мстислав Галицкий, влиятельный князь, был женат на половчанке, впрочем, как и некоторые другие южнорусские князья).

Посольство монголов тогда предложило русским князьям не вмешиваться, но совет во главе с киевским князем решили убить послов [ПСРЛ, 1962, стлб. 445–447]. Последовала гибельная для Руси битва на Калке [ПСРЛ, 1962, стлб. 445–447], а также более поздняя карательная операция сына Чингиз-хана Бату [ПСРЛ, 1962, стлб. 460–470], ввергшая Русь в многовековую катастрофу. И удар этот, прежде всего, монголы направили против Северной Руси [ПСРЛ, 1962, стлб. 460–470] (несмотря на то, что северорусские князья опоздали на Калку) [ПСРЛ, 1962, стлб. 445–447], хотя смертельную «кашу заварили» именно южнорусские князья [ПСРЛ, 1962, стлб. 445–447]. Поразительно, но «Поучение» Мономаха должно быть рассмотрено как своего рода предупреждение Руси об этих грядущих бедах. Автобиография Мономаха выступает как свидетельство, таким образом, не только о многочисленных бедах лично Мономаха от южнорусских князей, но и как урок, прозорливое политическое предупреждение на будущее.

Заключение

Таким образом, «Поучение» Мономаха, выдающийся литературный памятник XI–XII вв., является в жанровом отношении также и политическим посланием Руси; не только человеческим документом, литературным произведением, но и политическим документом Владимира Мономаха.

Библиографический список

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. 408 с.

Аверинцев С. С. На перекрёстке литературных традиций (Византийская литература: истоки и творческие принципы) // Другой Рим. Избранные статьи. Санкт-Петербург : Амфора, 2005. С. 17–58.

Алексеев М. П. Англо-саксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха // Труды отдела древнерусской литературы. Москва – Ленинград : Изд. АН СССР, 1935. Т. 2. С. 39–80.

Бедина Н. Н. Псалтирь и ранняя русская книжность (XI–XIII вв.). Архангельск : изд. Поморского университета, 2004. 139 с.

Владимир Мономах: завещано потомкам / сост. Г. Ю. Филипповский. Ярославль : изд. ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1999. 285 с.

Гиппиус А. А. Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. Ч.1-2 // Русский язык в научном освещении. 2003. № 6–7. С. 60–99; 146–171.

Дёмин А. С. Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 403 с.

Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Москва : Унив. тип., 1901. Ч. 1. С. 1–90.

Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси. Москва : Росспэн, 2011. 551 с.

Карпов А. Ю. Великий князь Владимир Мономах. Москва : Молодая гвардия, 2015. 387 с.

Комарович В. Л. Поучение Владимира Мономаха // История русской литературы. Москва-Ленинград : изд. АН СССР, 1941. Ч. 1. С. 289–297.

Лихачёв Д. С. Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси. Москва : Современник, 1979. С. 141–161.

Лихачёв Д. С. Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Москва : Наука, 1987. Вып. I (XI–XIV вв.). С. 98–102.

Мильков В. В. Владимир Мономах и его Поучение // Творения митрополита Никифора. Москва : Наука, 2006. С. 340–452.

Орлов А. С. Владимир Мономах. Москва-Ленинград : изд. АН СССР, 1946. 191 с.

Памятники литературы Древней Руси. XI–XII вв. Москва : изд. «Художественная литература», 1978. С. 392–413.

Погодин М. П. О Поучении Мономаховом // Известия отделения русской литературы и словесности (ИОРЯС). Санкт-Петербург, 1861–1863. Т. X. С. 235–237.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Москва : Наука, 1962. 577 стлб. (ПСРЛ).

Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: поэтика жанра // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 2. С. 8–13.

Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: проблемы литературной поэтики. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 119 с.

Ghini G. Un testo `sapienziale` nella Rus`Kievana. II. Poucienie di Vladimir Monomach. Bologna, 1990, 88 s.

Keipert H. Ein Vitenzitat bei Vladimir Monomach // Orientalia christiana periodica. T. 41. 1975. S. 232–236.

Muller L. Noch einmal zu Vladimir Monomachs Zitat aus einer asketischen Rede Basilius der Grossen // *Russia mediaevalis*. № 4. 1979. S. 16–24.

Reference list

Averincev S. S. Pojetika rannevizantijskoj literatury = The poetics of early Byzantine literature. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2004. 408 s.

Averincev S. S. Na perekrjostke literaturnyh tradicij (Vizantijskaja literatura: istoki i tvorcheskie principy) = At the crossroads of literary traditions (Byzantine literature: origins and creative principles) // *Drugoj Rim. Izbrannye stat'i*. Sankt-Peterburg : Amfora, 2005. S.17–58.

Alekseev M. P. Anglo-saksonskaia parallel' k «Poucheniju» Vladimira Monomaha = An Anglo-Saxon parallel to the «Testament» of Vladimir Monomakh // *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*. Moskva – Leningrad : Izd. AN SSSR, 1935. T. 2. S. 39–80.

Bedina N. N. Psaltir' i rannjaja russkaja knizhnost' (XI–XIII vv.) = The Psalter and early Russian literacy (11th–13th centuries). Arhangel'sk : izd. Pomorskogo universiteta, 2004. 139 s.

Vladimir Monomah: zaveshhano potomkam = Vladimir Monomakh: bequeathed to posterity / sost G. Ju. Filippovskij. Jaroslavl' : izd. JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 1999. 285 s.

Gippius A. A. Sochinenija Vladimira Monomaha: Opyt tekstologicheskoi rekonstrukcii. Ch. 1–2 = Vladimir Monomakh's works: attempt at text reconstruction. Parts 1–2 // *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 2003. № 6–7. S. 60–99; 146–171.

Djomin A. S. Pojetika drevnerusskoj literatury (XI–XIII vv.) = Poetics of ancient Russian literature (XI–XIII centuries). Moskva : Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 403 s.

Ivakin I. M. Knjaz' Vladimir Monomah i ego Pouchenie = Prince Vladimir Monomakh and his Testament. Moskva : Univ. tip., 1901. Ch. 1. S. 1–90.

Karavashkin A. V. Literaturnyj obyčaj Drevnej Rusi = Literary custom of ancient Russia. Moskva : Rosspjen, 2011. 551 s.

Karpov A. Ju. Velikij knjaz' Vladimir Monomah = Great prince Vladimir Monomakh. Moskva : Molodaja gvardija, 2015. 387 s.

Komarovich V. L. Pouchenie Vladimira Monomaha = Vladimir Monomakh's Testament // *Istorija russkoj literatury*. Moskva-Leningrad : izd. AN SSSR, 1941. Ch. 1. S. 289–297.

Lihachjov D. S. Velikoe nasledie: klassicheskie proizvedenija literatury Drevnej Rusi = The great heritage: classical works of ancient Russian literature. Moskva : Sovremennik, 1979. S. 141–161.

Lihachjov D. S. Vladimir Vsevolodovich Monomah = Vladimir Vsevolodovich Monomakh // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. Moskva : Nauka, 1987. Vyp. I (XI–XIV vv). S. 98–102.

Mil'kov V. V. Vladimir Monomah i ego Pouchenie = Vladimir Monomakh and his Testament // *Tvorenija mitropolita Nikifora*. Moskva : Nauka, 2006. S. 340–452.

Orlov A. S. Vladimir Monomah = Vladimir Monomakh. Moskva-Leningrad : izd. AN SSSR, 1946. 191 s.

Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. XI–XII vv. = Monuments of ancient Russian literature. XI–XII centuries. Moskva : izd. «Hudozhestvennaja literatura», 1978. S. 392–413.

Pogodin M. P. O Pouchenii Monomahovom = On Vladimir Monomakh's Testament // *Izvestija otdelenija russkoj literatury i slovesnosti (IORJaS)*. Sankt-Peterburg, 1861–1863. T. X. S. 235–237.

Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 1. Lavrent'evskaja letopis' i Suzdal'skaja letopis' po Akademicheskomu spisku = Complete collection of Russian chronicles. V. I. The Laurentian chronicle and the Suzdal chronicle on the Academic codex. Moskva : Nauka, 1962. 577stlb. (PSRL).

Filippovskij G. Ju. «Pouchenie» Vladimira Monomaha: pojetika zhanra = Vladimir Monomakh's Testament: genre poetics // *Verhnevzhskij filologicheskij vestnik*. 2017. № 2. S. 8–13.

Filippovskij G. Ju. «Pouchenie» Vladimira Monomaha: problemy literaturnoj pojetiki = Vladimir Monomakh's Testament: problems of literary poetics. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. 119 s.

Ghini G. Un testo `sapienziale` nella Rus`Kievana. II. Pouchenie di Vladimir Monomach. Bologna, 1990, 88 s.

Keipert H. Ein Vitenzitat bei Vladimir Monomach // *Orientalia christiana periodica*. T. 41. 1975. S. 232–236.

Muller L. Noch einmal zu Vladimir Monomachs Zitat aus einer asketischen Rede Basilius der Grossen // *Russia mediaevalis*. № 4. 1979. S. 16–24.

Статья поступила в редакцию 19.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted on 19.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.